

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор)</i>	229
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)</i>	236
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура</i>	246

*А. Д. Васюков
(Санкт-Петербург)*

Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации

Статья посвящена современному языковому строительству среди кашубов Польши. Кашубы — западнославянская миноритарная этническая группа, чей язык в 2005 г. был признан региональным языком Польши. Новый правовой статус обеспечил появление кашубского языка в новых для него функциональных сферах образования, администрирования и документооборота и в связи с этим интенсифицировал процесс кодификации его литературной нормы. На материале полевых экспедиций автора в статье рассмотрены реакции представителей этнической группы на процесс кодификации родного языка, а также влияние ситуации языкового сдвига на языковое строительство в современной Кашубии.

Ключевые слова: кашубы, кашубский язык, Польша, литературный язык, стандартизация, диалект, активисты.

Кашубский язык — это небольшой по количеству носителей западнославянский идиом, который в 2005 г. получил правовое признание в виде регионального языка Польши. Новый статус языка спровоцировал активную работу над кодификацией его литературной нормы. Язык, который для многих поколений кашубов был исключительно инструментом устной коммуникации в семье или небольшой соседской общине, впервые становится инструментом письма. На кашубском языке сегодня издаются газеты, школьные учебники и поэтические сборники. Вместе с тем процесс кодификации происходит на фоне интенсивного языкового сдвига в этнической группе, который проявляется в повсеместном переходе кашубов на польский язык. Таким образом, мы наблюдаем уникальную ситуацию, когда старшее поколение носителей языка еще помнит родной кашубский диалект, но большинство членов этнической группы сегодня сталкивается с кашубским редко и порой лишь в его формирующейся литературной норме. Какие реакции подобное языковое строительство вызывает в речевом сообществе? В статье показано, как языковой менеджмент в современной Кашубии и попытки активистов сохранить этниче-

ский язык создают для внешних наблюдателей особую «лабораторию», позволяющую наблюдать за реакцией носителей миноритарного языка на его новый письменный вариант.

Кашубы — западнославянская миноритарная этническая группа, компактно проживающая на севере республики Польша. В польском политическом и научном дискурсе кашубы традиционно рассматривались в качестве этнографической группы поляков, хотя сегодня среди кашубов растет число сторонников правового признания сообщества этническим меньшинством страны. Сегодня дискуссия о правовом статусе кашубов достаточно остра и вызывает противоречивые оценки как внутри сообщества, так и за его пределами. Отчасти это объясняется драматичной историей этнической группы на протяжении всего XX века, несколькими сменами государственной принадлежности и неоднозначным восприятием множественной этноязыковой идентичности кашубов в польском национальном государстве. Перепись 2011 г. зафиксировала в стране 233 тыс. чел., назвавших своей национальностью кашубскую, большинство из которых (216 тыс.) указали ее вместе с польской национальностью на первом или втором месте. Лишь 7% группы (16 тыс. чел.) указало себя только кашубами по национальности [Narodowy Spis 2015: 70]. Такие данные свидетельствуют о сложной структуре предпочтений в самоидентификации членов сообщества, для которой в целом характерна высокая степень биэтничности.

Я и полька, и кашубка одновременно... но, думаю, сейчас во мне кашубскости намного больше, чем пятнадцать лет назад. (Ж., кашубка, 47 л., Косцежина)

Я не чувствую, чтобы это было моей национальностью. Я не чувствую, чтобы мы были отдельным народом. Мне всегда говорили, что я полька... (Ж., кашубка, 37 л., Гданьск)

Помимо результатов переписей, в нашем распоряжении имеются экспертные оценки этнографов, географов и социологов, согласно которым численность кашубского населения в Польше сегодня может превышать полмиллиона человек [Mordawski 2005; Latoszek 1996], причем большинство из них (98%) проживает в нескольких центрально-северных повятах Поморского воеводства [Narodowy Spis 2015: 47]. Таким образом, кашубы являются вторым по численности меньшинством страны (после силезцев/верхнесилезцев), для которого характерна непольская или альтернативная польской этнокультурная идентичность. Сегодня в стране

функционируют две крупные этнические организации, представляющие интересы сообщества, — Zrzeszenie Kaszubsko Pomorskie и Kaszëbskô Jednota. Данные организации занимают противоположные идеологические позиции по вопросу признания кашубов этническим меньшинством или отдельным народом, видения настоящего и будущего кашубов в польском обществе.

Уже первые профессиональные этнографические исследования кашубов, появившиеся в сер. XIX в., фиксируют культурную ассимиляцию и языковой сдвиг в сообществе. Располагаясь в обширной зоне польско-немецкого культурного контакта, ареалы этнической Кашубии с эпохи позднего Средневековья постоянно уменьшались. Вот как описывал этот процесс Александр Гильфердинг, посетивший кашубов в 1856 г.: «Совершающееся на глазах наших вымирание славянской народности казалось мне фактом, стоящим ближайшего изучения [...] Через несколько лет путешественник в большей части этих деревень уже не найдет ни одного славянина» [Гильфердинг 1862: 4]. Однако, как показывают материалы нашей полевой работы, процесс языкового сдвига в этнической группе особенно интенсифицировался после Второй мировой войны, когда вся территория Кашубии вошла в состав Польши. Именно в этот период в регионе повсеместно происходит прекращение межпоколенческой передачи языка.

Поколение моих родителей, 70-летние и старше, не передали язык своим детям... Они даже не имели такого намерения... Это, конечно, лишь мои наблюдения как журналистки и жительницы Кашуб, но думаю, что это касается почти 90% семей здесь. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Мы в семье не говорили по-кашубски, но постоянно слышали, как мама говорила с тетей, бабушкой, соседками по-кашубски... Все время была такая установка, что... все это поколение считало, что обучение ребенка кашубскому его испортит. (Ж., кашубка, 31 г., Гданьск)

Быстрое сокращение количества носителей языка, наблюдаемое исследователями с 1950–1960-х гг. до наших дней, объясняется как низким престижем кашубского («В хлеву со свиньей можно было говорить по-кашубски... а чтобы ученый человек... этого себе невозможно было представить»). (М., кашуб, 36 л., Реда), так и последовательной языковой, образовательной и информационной политикой государства на протяжении всей второй половины XX в., которая была направлена на культурную гомогенизацию польского общества. Кашубы, как и некото-

рые другие сообщества пограничья (силезцы, вармяки, мазуры, лемки и др.), обладающие множественной идентичностью, стали последовательным объектом «языкового перевоспитания». Известный исследователь языковой политики Эйнар Хауген отмечал: «Идеал нации — внутренняя сплоченность и внешняя разделенность. Государство очень быстро улавливает тревожные сигналы языкового сепаратизма, поэтому группы населения, чьи языковые практики и идентичность не вписываются в унифицирующие рамки нации, становятся объектом языкового переучивания» [Хауген 2012: 104]. Полевой материал обнаруживает живую память этнической группы о практиках языковой гомогенизации, реализуемой государством (прежде всего через школу) в течение всей второй половины XX в.

Стучалось, мне мама рассказывала, что кашубский язык отождествлялся с... деревенщиной, с необразованностью. Учителя ее часто исправляли: «Не говори так! Говори по-польски правильно! Не говори, как село». Это остается в людях... Люди сами начинали стесняться говорить по-кашубски. (Ж., кашубка, 35 л., Гданьск)

Я в школе никогда не слышал кашубский. С нами всегда говорили по-польски. Но однажды... мы поехали на какую-то экскурсию... и учитель заговорил с хозяином по-кашубски. Я был шокирован, что он может говорить по-кашубски. Думаю, большинство учителей знали язык, но специально с нами не говорили. (М., кашуб, 54 г., Картузы)

Сегодня вопрос о количестве носителей кашубского языка является крайне дискуссионным. Во время переписи 2011 г. о владении кашубским языком заявило 108 тыс. чел. В этнографической литературе упоминается, что до 300 тыс. кашубов могут говорить на родном языке. Согласно оценкам социолингвистов, кашубским языком владеет от 80% до 64,5% этнической группы. Как предполагает Мордавский [Mordawski 2005: 51], по состоянию на 2005 г. лишь 80,9 тыс. чел. говорят по-кашубски ежедневно (14,2% от этнической группы) и еще 41 тыс. (7,3%) говорят часто. Большая же часть носителей языка прибегает к нему крайне редко или почти никогда [Dołowy-Rybińska 2010: 52]. Скорее всего, даже такие цифры являются несколько оптимистичными. Так, согласно экспертным оценкам филологов и языковых активистов, собранных нами в экспедициях, реальное количество носителей языка, использующих его в повседневной жизни, может колебаться в диапазоне от 40 до 80 тыс. чел. Важно понимать, что в основном это представители старшего поколения, а зна-

чит — если срочно не предпринять эффективных программ поддержки кашубского, языковая картина в регионе будет и далее двигаться в сторону польского монолингвизма.

В свое время такой эффективной поддержкой многим казалось законодательное признание кашубского региональным языком в Польше. Подобный уникальный статус кашубский получил в 2005 г., что стало результатом ратификации Польшей Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. Теперь гмины, в которых этнические кашубы составляют не менее 20% населения, могут объявлять кашубский языком-помощником [Ustawa], использовать его в административном производстве, документообороте, дублировать на кашубском придорожные указатели, а также выделять средства на преподавание кашубского языка в школах. Как показывают материалы нашей работы в нескольких регионах Кашубии, правовое признание кашубского существенно повлияло на рост его престижа, однако пока не заметно, чтобы оно содействовало замедлению языкового сдвига в этнической группе.

Еще до этого закона был какой-то стыд... мол, это какой-то диалект. На нем стыдно было говорить. Только дома... а сейчас это тоже есть, но уже меньше. (Ж., кашубка, 42 г., Каргузы)

Тем не менее, внедрение кашубского языка в новые для него функциональные сферы спровоцировало процесс кодификации его литературного стандарта. Ведь предполагается, что публиковать документы, школьные учебники и газеты необходимо на одном, и желательно понятном для всех носителей, варианте языка.

Несмотря на скромное количество носителей (порядка 100 тыс. на конец XIX в. [Ramułt 1899: 31]), кашубский традиционно описывался как крайне диалектно раздробленный. Ученые выделяют три крупные группы диалектов: северную, центральную и южную, причем взаимопонимание между их носителями может быть сильно ограничено. Так, в конце 1920-х гг. немецкий лингвист Фридрих Лоренц выделял до семи десятков локальных диалектов и говоров кашубского языка [Lorentz 1929: 76]. Вместе с сокращением числа носителей к началу XXI в. исчезли и многие локальные разновидности языка. Сегодня, по оценкам специалистов, из бывшего диалектного разнообразия сохраняется до 30–40 говоров [Zięniukowa 2009: 261]. В диалектологических работах последних лет специалисты все чаще делятся информацией о том, с каким трудом им удается находить информантов — носителей разных диалектов и говоров кашуб-

ского. Например, в своей недавней публикации Лехослав Йоч описывает, как он не смог встретить молодых носителей халупского и кузницкого говоров одного из северных (быляцких) диалектов кашубского языка [Jocz 2021: 17].

Самое старшее поколение, старшие меня... 60+... еще сохранило такие микроговоры в отдельных селах или группах сел, но они уже... почти на грани исчезновения. Да и сами эти люди чаще уже говорят на полькаше. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Термин «полькаш» встретился нам исключительно в речи информантов. Очевидно, его изобретение потребовалось нашим собеседникам для описания результатов польско-кашубского языкового контакта. В ходе интервью информанты однозначно негативно воспринимали такой языковой код, описывая его как свидетельство упадка кашубского и культурной ассимиляции этнической группы.

Первые попытки кодифицировать литературный стандарт на базе разрозненных кашубских диалектов можно проследить еще в сер. XIX в. Тогда выдающийся регионалист и один из первых кашубских писателей Флориан Цейнова (1817–1881) предложил свой проект кашубского алфавита и начал издавать первый в истории кашубскоязычный журнал (*Skórb kaszëbskosłóvjnskjè mòvé*). В качестве опорных Цейнова избрал свои родные пуцкие говоры северного диалекта, достаточно специфичные для большей части кашубов. Специалист по славянским литературным микроязыкам Владислав Кнолл называет литературный проект Цейновы тупиковым [Кнолл 2017: 17], поскольку он практически не повлиял на дальнейший процесс кодификации литературной нормы кашубского языка, который несколько раз начинался заново уже после Первой мировой войны.

По-настоящему последовательным этот процесс становится уже в 1990-х гг. на волне посткоммунистических преобразований в польском обществе и связанного с ними этнического активизма в Кашубии. Именно в этот период появляется группа активистов-учителей, которые начинают внедрять кашубский в школьное образование. Так, впервые в качестве учебного предмета кашубский язык появился в 1991 г. на базе одной из гимназий южнокашубского городка Бруссы [Obracht-Prondzyński 2007: 27]. В 1996 г. принят унифицированный, т. е. единый для всех диалектов, алфавит кашубского языка, который с этого времени является основным инструментом передачи кашубского на письме. В 2006 г. создан Совет по

кашубскому языку — главный орган, ответственный за процесс стандартизации. Совет ежегодно издает бюллетень, в котором публикуются правила, регулирующие орфографию и словообразование в кашубском. Наконец, в 2012 г. на филологическом факультете Гданьского университета открыто направление «кашубская этнофилология» с целью подготовки специалистов по кашубскому и учителей для школ с преподаванием регионального языка. В отличие от первых исторических примеров языкового строительства в Кашубии, сегодня в качестве основы для литературного стандарта взят центральнокашубский диалект. Прежде всего речь идет о говорах, распространенных на территории Каргузского повята. С одной стороны, это объясняется тем, что сегодня именно носители центральнокашубских диалектов численно доминируют в речевом сообществе [Mordawski 2018: 45]. С другой стороны, согласно убеждениям наших информантов, которые удалось зафиксировать во время интервью и полевых бесед, именно центральнокашубский является «наиболее понятным» и вместе с тем «менее засоренным» вариантом языка. Возможно, на подобную лингвистическую идеологию наших информантов повлияло стереотипное представление об особой изменчивости приграничных регионов, которые более подвержены культурным влияниям в силу контактов в соседними этническими группами. Так, согласно подобной логике, именно в центре Кашубии этническая идентичность и языковая практика должна была сохраниться в наиболее аутентичном и неизменном виде.

Особенностью полевой работы в Кашубии и изучения языковых практик местных жителей является тот факт, что буквально на наших глазах язык кардинально меняет свою природу для его носителей. Для нынешних поколений кашубов родной язык впервые в истории становится не только инструментом устной коммуникации, но и средством письма. Этническое сообщество впервые для себя столкнулось с новым вариантом кашубского — письменным кашубским. Сегодня у нас есть возможность зафиксировать реакцию, какую в речевом сообществе вызывает этот новый вариант языка. И пока реакцию, которую мы фиксируем у этнических кашубов, можно назвать критической, настороженной или оборонительной. Почти повсеместно наряду с представлениями о необходимости литературного варианта для родного языка мы одновременно встречаем и недовольство носителей по поводу «языка из книжек».

Тут появилось столько новых кашубских слов, что я бы был более осторожным. Эти слова часто искусственные, они не звучат как настоящий

кашубский язык. И тут формируется такая пропасть между тем кашубским из книжек и кашубским, который мы знаем из семей. Когда ребенок научился этому кашубскому по книгам, а позже хочет поговорить со своими бабушками, дедушками или родителями по-кашубски, то оказывается, что очень много слов, которые он употребляет, его семья этих слов не знает. (М., кашуб, 28 л., Гдыня)

В школе этот язык уже литературный. Когда мы его слышим, мы чувствуем какую-то неправду... Мы немного смеемся с этого, это такой искусственный язык... Они насильно стараются его осовременить. (М., кашуб, 51 г., Ястарня)

Поразительно, как довольно схожие представления об «искусственности», «неискренности», «неестественности» литературного языка по сравнению с привычным разговорным кашубским воспроизводят совершенно разные типы носителей, люди с кардинально разным опытом использования и усвоения языка. Так, первая цитата выше принадлежит неоносителю¹, молодому человеку, который вырос в польскоязычной кашубской семье и уже в сознательном возрасте самостоятельно по книжкам и различным сайтам в интернете освоил кашубский. Таким образом, данный информант сам не говорит на том «настоящем кашубском языке из семей», который защищает. Вторая же цитата принадлежит информанту — этническому активисту, который и вовсе признается, что кашубским языком не владеет. Однако, как видим, ограниченная языковая компетенция совсем не мешает мужчине точно так же критиковать язык школы.

Критичная, порой даже враждебная, реакция носителей младописьменных языков уже становилась предметом рассмотрения антропологов, социолингвистов и социологов. Так, в одной из своих статей Эрик Хобсбаум поясняет: «Всякий язык, который переходит из исключительно устной речи в область чтения и письма, то есть a fortiori всякий язык, который становится средством школьного обучения или официального использования, меняет свой характер. Должна произойти стандартизация его грамматики, письма, словаря и, возможно, произношения. И его лексический диапазон должен быть расширен для покрытия новых потребностей. Само превращение языка в средство письма ведет к унич-

¹ «Неоносителями» мы, вслед за О'Рурке [O'Rourke 2014: 1], будем считать индивидов, которые дома или внутри сообщества мало или вообще не соприкасались с малым языком, но вместо этого выучили его благодаря иммерсивным или двуязычным образовательным программам, проектам языковой ревитализации или на курсах для взрослых.

тожению разговорного языка. Если превратить его в школьный язык, он перестает быть языком, на котором говорят дети» [Хобсбаум 2005: 51].

Интересно, что языковые активисты, напрямую ответственные за создание и распространение единого канона литературного языка, осознают тревогу речевого сообщества и в целом воспроизводят подобную риторику. Вот как, например, рассуждает автор одной из наиболее популярных грамматик кашубского языка последних лет:

Да, диалекты сильно отличаются. Кашубский, можно сказать, такой... искусственный язык. Ну... не совсем естественный. Если я говорю на литературном кашубском с человеком из деревни, который, возможно, впервые столкнулся с литературным языком, то для него, конечно, это будет странным. [...] Сильно отличается от диалектов, но надо было найти компромисс. Трудно найти компромисс, который удовлетворил бы всех. Это невозможно... Поэтому мы берем слова из разных диалектов... (Ж., кашубка, 37 л., Гданьск)

Единственное различие состоит в том, что языковые активисты и кодификаторы воспринимают неудобство, связанное с привыканием к новому (литературному) варианту кашубского, как неизбежное зло, с которым необходимо смириться в борьбе за сохранение родного языка.

Учителя уже чаще не нэйтив-спикеры (native-speakerzy). Это люди, которые учили кашубский литературный. Они говорят на таком языке, который для поколения дедушек звучит странно, неестественно. На таком языке никто никогда не говорил. Только сейчас люди начинают осознавать, что есть такой литературный кашубский и что он не звучит как язык из какой-либо деревни. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Ожидаемо именно школа становится той площадкой, где разгораются наиболее жаркие споры о формирующемся литературном варианте кашубского. С одной стороны, именно школа является главным институтом, ответственным за популяризацию и распространение стандартного письменного языка; с другой стороны, как убедительно показывают наши полевые наблюдения, в условиях глубоко зашедшего языкового сдвига в этнической группе уже сегодня в целом ряде мест Кашубии школа остается единственным пространством, где молодое поколение сталкивается с родным языком.

Наверное, если бы кашубский не изучался в школе, то у него бы не было ни единого шанса сохраниться. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Этим объясняется та принципиальность, с которой многие члены общества относятся к тому, какой именно язык будет воспроизводиться в школе. Именно недовольство центральнокашубским, который повсеместно преподается в школах Кашубии, побуждает отдельных этнических активистов предлагать альтернативные варианты языкового планирования. Например, современный кашубский писатель и региональный деятель Артур Яблонский предлагает осуществлять развитие и преподавание одновременно двух литературных стандартов, основанных как на центральнокашубском, так и на севернокашубском диалекте. По убеждениям Яблонского, преподавание центральнокашубского в периферийных зонах Кашубии, где еще сохраняются носители кашубского, не только не препятствует утрате языка, а, наоборот, содействует языковому сдвигу. Так, опираясь на ситуацию в своей родной гмине на севере Кашубии, писатель рассказывал нам, как дети, получив основы литературного кашубского в школе, пытаются практиковать язык с пожилыми родственниками, которые еще помнят язык, но представители разных поколений не понимают друг друга. В итоге собеседникам все равно приходится переходить в общении между собой на польский язык. Предложенная языковая реформа Яблонского (а также языковая практика, поскольку на севернокашубском диалекте автор публикует свои поэтические произведения) отчасти является возвратом к первому проекту литературного кашубского, предложенного еще Цейновой. И хотя сосуществование одновременно нескольких литературных норм для миноритарного языка не редкость (сами информанты-активисты часто ссылаются на пример ретороманского или русинского языков), пока идея полицентричности литературного кашубского скорее вызывает отторжение у большинства наших собеседников.

Тут процесс пошел не в очень хорошую сторону... то есть мы чересчур сблизили письменность с польским языком, что, с одной стороны, упрощает его изучение. Ведь раз уж кто-то умеет писать по-польски, ну тогда проще ему будет научиться... но позже сложнее будет с произношением, так как много есть таких вещей, которые, казалось бы, похожи в обоих языках, но на самом деле различаются. То есть тут как бы... не пошло в нужную сторону. Пару вещей надо изменить, тогда как в последнее время появилась идея создания абсолютно новой письменности. И я с этим не согласен. Вышло уже много книг и много детей уже научилось такому кашубскому, который мы знаем, чтобы уже вводить новую письменность. (М., кашуб, 28 л., Гдыня)

То есть, с одной стороны, языковые активисты признают, что литературный кашубский, основанный на центральном диалекте, использует приближенную к польскому орфографию, что не совсем точно отражает передачу на письме кашубского произношения. С другой стороны, в условиях, когда для большинства членов этнической группы первым языком уже является польский, это упрощает обучение родному языку. Кроме того, существует опасение, что радикальная реформа кашубского сведет на нет все достижения языковой ревитализации последних десятилетий.

Резкое превращение языка из исключительно разговорного в письменный является стрессом для любого миноритарного идиома, особенно для такого, который находится в уязвимой ситуации постоянного сокращения количества носителей. Появление литературного стандарта порождает вызовы для различных типов носителей кашубского языка: для языковых активистов-кодификаторов, пожилых носителей исчезающих диалектов, а также молодого поколения неоносителей. Все эти люди вынуждены осваивать и привыкать к новому для себя формату родного этнического языка. Как показывает наш опыт общения с носителями кашубского и наблюдения, сделанные в ходе полевой работы, даже для информантов, которые выросли в кашубскоязычной среде и до сих пор регулярно используют язык в повседневной жизни, первые контакты с письменным вариантом кашубского языка — это часто ситуация удивления, тревоги и растерянности. Например, один наш собеседник (тот редкий уже случай информанта, в чьей семье кашубский сегодня — доминирующий язык) со смехом вспоминал, как в 1980-е гг. ему в руки впервые попал журнал, где были напечатаны стихи на кашубском. Информант долго крутил в руках издание и не мог понять, на каком языке это написано, подозревая, что это чешский, — настолько немислимым казался факт появления родного языка в журнале. Вместе с тем от того, как быстро и успешно произойдет процесс привыкания и акцептации речевым сообществом стандартизированного варианта языка, зависит общий успех языковой ревитализации и программ поддержки миноритарного языка.

Источники

- Narodowy Spis 2015 — Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Warszawa, 2015.
- Ustawa — Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. „O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym”. [Режим доступа]: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf>

Литература

- Гильфердинг 1862 — *Гильфердинг А. Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря // Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. 1862. Вып. V. С. 1–191 отд. пагинации.
- Кнолл 2017 — *Кнолл В.* От литературных идиолектов к региональным литературным языкам (не только) в славянском мире // Миноритарные и региональные языки и культуры Славии / отв. ред. С. С. Скорвид. М., 2017. С. 11–43.
- Хауген 2012 — *Хауген Э.* Диалект, язык, нация // Социолингвистика и социология языка / под ред. Н. Б. Вахтина. СПб., 2012. Т. 1. С. 97–114.
- Хобсбаум 2005 — *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 49–59.
- Dołowy-Rybińska 2010 — *Dołowy-Rybińska N.* Odwracanie zmiany językowej na Kaszubach // Studia Socjologiczne. 2010. № 3 (198). S. 47–76.
- Jocz 2021 — *Jocz L.* The Kashubian dialect of Bor and Jastarnia: The consonant system. Gorzów Wielkopolski, 2021.
- Latoszek 1996 — *Latoszek M.* Pomorze: zagadnienia etniczno-regionalne. Gdańsk, 1996.
- Lorentz 1929 — *Lorentz F.* Gramatyka pomorska. Zeszyt 1. Poznań, 1929.
- Mordawski 2005 — *Mordawski J.* Statystyka ludności kaszubskiej. Kaszubi u progu XXI wieku. Gdańsk, 2005.
- Mordawski 2018 — *Mordawski J.* Geografia Kaszub. Gdańsk, 2018.
- Obracht-Prondzyński 2007 — *Obracht-Prondzyński C.* Kaszubi dzisiaj. Kultura – język – tożsamość. Gdańsk, 2007.
- O'Rourke 2014 — *O'Rourke B.* New speakers of minority language: the challenging opportunity – Foreword // International Journal of the Sociology of Language. 2014. Nr. 231. P. 1–22.
- Ramułt 1899 — *Ramułt S.* Statystyka ludności kaszubskiej. Kraków, 1899.
- Zieniukowa 2009 — *Zieniukowa J.* Zmiany w statusie języka kaszubskiego od połowy XX wieku do początku XXI wieku // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. 2009. Nr. 21. S. 259–269.

*Summary**Oleksandr Vasiukov***Literary Standard and Dialects:
the Reaction of Ethnic Kashubians to the Process of Language Codification**

The article is focused on the modern language building among Kashubians in Poland. Kashubians are the West Slavic minority ethnic group, whose language has been recognized as a regional language of Poland in 2005. This legal status has implanted Kashubian into new sphere of education and administration, as well as provokes the rapid process of the standardization of the Kashubian literary norm. Based on the author's materials of ethnographic fieldwork, the paper shows the reaction of ethnic Kashubians to the process of language codification and how the situation of language shift can influence the language building in modern Kashubia.

Key words: Kashubians, Kashubian language, Poland, literary language, standardization, dialect, activists.